

Купина Неопалимая

В. В. Афанасьев,
писатель

...Радуйся, купино неопалимая; радуйся,
огненный столпе, сущия во тме наставляй...

*Акафист Феодоровской иконе
Божией Матери. Икос 6-й*

29 августа 1990 года в Костроме сияло солнце. Это был единственный солнечный день на протяжении многих глухо-дождливых до и после него. Щедрый на синеву, тепло, легкость дыхания, на радость день. День Спаса Нерукотворенного. Именно тот, в который обретена была великая костромская святыня более шестисот лет тому назад. Многие тысячи горожан вышли на улицы. Они встречали эту святыню — явленную чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери, которую несли, блистая на солнце ризами, сам архиепископ Костромской и Галичский Алек-

Икона
Феодоровской
Божией Матери
с чудесами.
XVII в.

сандры и священники, весь «освященный собор» города. Начался первый за долгие годы крестный ход из кафедрального собора к месту явления иконы — Спасо-Запрудненской церкви. До 1921 года он совершался ежегодно. Это путь через весь город, с остановками для молебнов. Через город, понесший тяжкие утраты, особенно в «безбожную пятилетку» 1932—1937 годов. Тогда был взорван собор Успения Божией Матери, главный храм Костромы, белокаменный красавец, заложенный в XIII веке князем Василием Костромским, младшим братом Александра Невского, обретшим в лесу у речки Запрудни эту икону. Сюда, в Успенский собор, еще в древности была перенесена чудотворная икона. Он обстраивался и украшался, величественно возвышаясь на крутом берегу.

...Окончился крестный ход. Чудотворная икона заняла свое место в кафедральном соборе — им ныне, после погибшего Успенского, является храм Воскресения Христова на Нижней Дёбре. Этот храм также основан Василием Костромским, но в камне отстроен был в XVII веке. Он великолепен, художественно прекрасен. И тем не менее до 1964 года в нем, невзирая на его драгоценные старинные фрески, по воле «начальства» (советского, конечно), хранились зерно и овощи... С этого, 1964 года, Феодоровская икона Богородицы находится здесь, между витых золоченых столбиков «сёни» у правого клироса.

Феодоровская — древняя икона византийского письма, времени Македонской династии, то есть IX—XI веков (послеиконоборческий период). Как и когда она попала на Русь, неизвестно. Впервые ее обнаружил князь Юрий Долгорукий, известный строитель северорусских городов. После неудачной борьбы за киевский стол, после опустошительного набега на его земли волжских булгар (1152 год) он принял укреплять свое княжество, построил Кострому и в ней собор великомученика Феодора Стратилата. Затем еще ряд крепостей-городов, в их числе Большой и Малый Китеж. Малый Китеж назывался еще Радилово, а позднее Городец Волжский. Он был поставлен на границе с булгарами (Нижнего Новгорода еще не было).

У городчан — или китежан — издавна была вне их поселения часовня, в которой стоял образ Божией Матери, почитаемый ими как чудотворный, так как немало чудес совершилось от него. Часовня эта была — просто дубовый столп с выемкой для иконы и крышей над ней. Старые люди помнили, что часовня и кладбище при ней — остаток бывшего здесь монастыря. Построив в Городце храм во имя Св. Архангела Михаила, князь Юрий решил перенести в него таинственную икону, крестным ходом со всем клиром пришел к часовне, совершил долгое моление и хотел поднять икону, но она не двинулась с места. Князь был поражен. Он понял, что икона хочет остаться здесь. И повелел выстроить на этом месте монастырь, что и было исполнено.

Казалось, что Русь наконец-то обезопасила себя от нашествий иноплемennых. Но вот настал 1237 год. Неведомая и страшная сила надвинулась с Востока, сметая все на своем пути. Погибли булгары. Захватив свое имущество, бежали к русским половцы. В следующем году эта сила — татары, возглавляе-

мые Батыем, — razорила Рязань, Суздаль и Владимир, пошла на Галич Костромской и Городец Волжский. Городец, а с ним и его монастырь были сожжены. Иконы и жители были большей частью перебиты, лишь некоторым удалось бежать. В это время великим князем владимирским был внук Юрия Долгорукого Юрий Всеволодович. Он погиб незадолго до падения Городца, в том же 1238 году, в битве на притоке Волги — речке Сити.

Любопытно, что так называемые «китежские легенды» говорят о другом: что в то время как татары напали на Малый Китеж (то есть на Городец), князь Юрий Всеволодович был тут, мужественно сражался, но, видя невозможность продолжать борьбу, ночью скрылся с многими жителями и войском в другой свой город, в Большой Китеж, располагавшийся в лесах, за реками Узолой и Керженцем, на берегу озера Светлояр. Эти легенды известный автор романов «На горах» и «В лесах» П. И. Мельников-Печерский считал «нелепницей», сочиненной бегунами-старообрядцами, а Н. А. Римский-Корсаков опозитивировал в опере «Сказание о невидимом граде Китеже». Некто Гришка Кутерьма, которого в Городце пытали татары, не выдержал мук и согласился показать им дорогу к Светлояру. Здесь Юрий Всеволодович дал Батыю последнее сражение, но не мог его одолеть. Города, однако, враги не взяли, он ушел в озеро. Там, в храмах, идут службы, живут святые старцы, которых питают ангелы. И будет этот святой город невидим, как говорят легенды, до Страшного суда.

Городец же отстроился вновь. Был возобновлен и монастырь. Но уже не было в нем чудотворной иконы. В ноябре 1263 года князь Александр Невский остановился в этом монастыре на пути из Орды. Он захворал и не мог ехать дальше. Почувствовав приближение смерти, князь призвал игумена и попросил пострижения во иночество. После этого простился с боярами, слугами, попросил прощения у всех, причастился св. таин и скончался. Тело его в лютый мороз было отвезено во Владимир.

В 1272 году великим князем владимирским стал младший («мизинный») брат Александра Невского Василий Ярославич, по прозвищу Квашня, имевший до того отчиной Кострому. Он любил свою Кострому и, даже став великим князем, не переехал во Владимир. Конечно, он часто выезжал — во Владимир и Сарай, в походы — на новгородцев, на татар. Этот князь, отправившись однажды на охоту, обычную свою забаву, к речке Запрудне, увидел, что его гончие собралась вокруг огромной сосны и «притужно» лают. Он подъехал, слез с коня и увидел стоящую на ветвях прекрасную икону Божией Матери с Богомладенцем Иисусом Христом на руках. Он хотел было ее взять, но она невидимой силой поднялась выше. Только священники, с которыми он пришел из города, смогли снять ее с дерева и принести в Кострому (с тех пор существует обычай поднимать Феодоровскую икону только руками священников).

В Костроме она была поставлена в построенном Юрием Долгоруким соборе Феодора Стратилата (отсюда икона и стала называться Феодоровской). Собор был деревянный, дважды сгорал и отстраивался вновь, — чудотворная же икона оба раза, никем не

Крестный ход.
Кострома. 1900.

вынесенная из храма, оставалась целой, даже краски на ней не поблекли. Жители Городца, те, которые некогда спаслись от татар и попали в Кострому, узнали «свою» икону. Как поется в Акафисте Феодоровской иконе Божией Матери: «Видевше жителie града Городца образ Твой, Владычице, во храме града Костромы стоящий, и на руку твою держима Богомладенца Иисуса, скорбию одержима беша: зане отшествие его бысть из града их». Они же рассказали костромичам о чудесах, совершавшихся силою этой иконы в Городце. Чудеса продолжались и в Костроме. На месте обретения иконы князь Василий построил монастырь с церковью во имя Спаса Нерукотворенного. А после пожаров в храме Феодора Стратилата повелел начать строительство каменного собора над Волгой — в честь Успения Божией Матери. Это день 15 августа по старому стилю.

Василий Костромской, как и его предшественники, зависел от Орды, имел ярлык на свое княжение от хана, случалось, пользовался подмогой татар на войне (например, с новгородцами; с 1273 года он стал и новгородским князем). Но это не мешало татарам грабить его владения, хотя и не военным, но просто разбойничьим способом. Вскоре после явления иконы под Кострому пришла огромная толпа татар. Он, не имея при себе большого войска, отправился к ним навстречу с дружиной, взяв икону, надеясь только на Божью помощь. Враг стоял в версте от Ипатьевского монастыря у нынешнего села Некрасова, на озере, которое после битвы названо было Святым. Князь Василий поставил дубовый столб, а на нем, ликом к врагу, чудотворную икону. По его вере и вышло все. «И тогда видеша погании от иконы лучи огненные, и, видевше, смутишася, и на бежание устремилася. Князь же великий гнаше в след их, и многих поби, и живых пойма», — сказано в древней повести. В ней же говорится, что от этих страшных лучей многие

татары ослепли. До сих пор существует часовня, посвященная Феодоровской иконе, построенная на этом месте в память великого чуда.

Кострома много раз подвергалась разграблению — выгорали посады, уничтожались кремль, обугливались храмы. И тем не менее сегодня мы видим Феодоровскую икону живой, и именно здесь, в Костроме. Это ее дом. Шли века, и слава иконы становилась всероссийской. Вершина этой славы — XVII век, тяжкий для России, который выделяется резкой особенностью: государство, погибавшее в разлуке Смутного времени, находит в себе силу решительно восстать, разметать врагов и укрепить себя избранием царя — избранием честным, всенародным. Голос народа указал на юного боярина Романова, представителя семьи, тяжело пострадавшей от Годунова из-за навета, очевидно им же и измыщенного. Мать и отец его были разлучены, пострижены в монашество и сосланы в разные дальние места, как и другие их родственники, из которых многие погибли. После различных злоключений будущий царь с матерью-инокиней оказался в заложниках у поляков в Московском Кремле, пережил там ужасы осады, а затем едва не был убит в Домнине, костромской вотчине матери, куда приехал из Москвы, — его спас крестьянин Иван Сусанин. Посольство, прибывшее в Кострому из Москвы, застало Михаила Феодоровича с его матерью уже в Ипатьевском монастыре.

В посольстве были выборные от «всяких чинов», а также архиепископ Рязанский и Муромский Феодорит, несколько настоятелей московских монастырей, знаменитый деятель того времени келарь Троице-Сергиевой лавры Авраамий Палицын, боярин Ф. И. Шереметев, князь В. И. Бахтеяров-Ростовский и другие. У Ипатьевского монастыря встретились два крестных хода — московский и костромской: первый среди прочих святых с Владимирской иконой Божией Матери, второй с Феодо-

ровской. Из ворот монастыря вышли вместе с его настоятелем старица Марфа и сын ее Михаил. Вскоре в Троицком соборе монастыря началось «челобитье» посольства, которое длилось от трех часов дня до девяти вечера. Посланные просили Марфу благословить сына на царство. «Благодарная же государыня инока Марфа Ивановна ни слышати того не восхоте,— пишет Авраамий Палицын.— Архиепископ же Феодорит со освященным собором и боярин Федор Иванович и весь царский синклит со многими слезами моляще государыню на многи часы».

А «инока» Марфа долго не благословляла Михаила на царство потому, что, как говорила она, «сын мой еще не в совершенных летах, да притом Московского государства люди измалодушествовали — давали свои души прежним московским государям и не прямо служили им... Как же можно быть на Московском государстве государю, видя такое непостоянство и крестопреступления, и убийства, и поругания над прежними государями?.. Мне благословить сына своего на царство разве на одно погубление; отец его, митрополит Филарет, ныне в плену у короля в Литве в великом утеснении, сведает король, что по прошению и по челобитью всего Московского государства учинится государем его и мой сын,— король тотчас велит над отцом его, митрополитом Филаретом, какое-нибудь зло сделать». На все это были ей даны самые убедительные ответы, было сказано о хитростях, неправде, которыми достигали «прежние государи» московского государа, о плане вернейшего обмена митрополита Филарета на именитых пленных литовцев. Окончательным оказался довод, произнесенный архиепископом Феодоритом при Феодоровской иконе Божией Матери: «Если ты, государь Михайло Феодорович, не пожалуешь... презришь наше слезное челобитье, а ты, инока Марфа Ивановна, не изволишь благословить сына своего на царство, то все люди будут в сетовании и

печали, а Московское государство придет в конечное запустение от неприятелей, и святых Божия и апостольския церкви и многоцелебныя мощи и чудныя иконы будут поруганы, и станетя истинной православной христианской вере и православным христианам разорение и расхищение, и все это за души православных христиан взыщет Бог на тебе, государь Михайл Феодорович, и на тебе, на великой старице иноке Марфе Ивановне». Как пишет историк, после этого «мать земная, взяв державного сына, и, подведя к образу Богоматери Феодоровской, поручила своего возлюбленного покровительству небесной Матери, заступницы всех скорбящих: «Буди святая воля Твоя, Владычица! в Твои пречистые руки предаю чадо свое, настави его на путь истины на благо себе и христианству».

Михаил Феодорович принял царский посох. Началось богослужение. Великая радость охватила всех. День восшествия на российский престол первого государя из рода Романовых сразу же начал праздноваться как день чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери. Она стала родовой дома Романовых. Были сняты копии с нее для царского семейства, для Рождественского храма в Московском Кремле. Подлинная же вернулась домой, в Успенский собор над Волгой. Окончилось время Смуты. Народ не ошибся в своем выборе.

Списки с Феодоровской — копии и подобию — все шире распространялись по России. И были случаи, когда эти списки также становились чудотворными. Такие иконы были в Ярославле, Белеве, Кинешме, Симбирске, Моршанске и других местах. Четыре копии чудотворной ушли на войну с четырьмя полками костромского народного ополчения в 1812 году. Что касается подлинной иконы, костромской, то русские государи считали долное время от времени посещать Кострому. Как и все паломники, они прикладывались к ней, делая три земных поклона. Они жертво-

Епископ Американской православной церкви Василий (Владимир Михайлович Родзянко, внук М. В. Родзянко — председателя Государственной думы в России накануне революции) и епископ Костромской и Галицкий Александр (справа налево). Кострома. 1990.

Чудотворная икона Федоровской Божией Матери. Со старинной гравюры.

Икона Владимирской Божией Матери. С этой иконой московское посольство просило Михаила Романова на царство.

Михаил Федорович Романов. Со старинной гравюры.

вали для нее богатые оклады и украшения в виде бриллиантовых подвесок и драгоценных камней. Еще в конце прошлого века она вся сияла. На ней, однако, были не только царские дары, но и народные, о чем свидетельствуют церковные записи. Что касается поновлений, то в тех же записях отмечены моменты снятия старой олифы и наложения новой. Лик не записывался. Об этом есть свидетельства разных времен. Разрешение на поновление давалось специальными указами царя и патриарха и совершалось оно публично, в торжественной богослужебной обстановке, в присутствии всего освященного собора, т. е. всех иереев Костромы и самого архиепископа. В указах, как правило, кроме разрешения «олифу снять» и «наложить олифу», не считая обновления киота, нет ничего. Только в 1745 году, при третьем поновлении, был приглашен ярославский изограф иерей Иоанн Андреев, который чуть тронул икону «шаровым письмом», но не лики, а то, что попортилось под окладом. «Это поновление, — пишет историк П. Островский в 1855 году, — было последнее. До сего времени не видно надобности в поновлении, потому что св. изображение, покрытое слюдой, доселе сохранило краски от повреждения; время от времени переменяется одна слюда». В книге, посвященной трехсотлетию дома Романовых, изданной в 1913 году, костромской историк П. С. Троицкий отметил: «Лики же Божией Матери и Богомладенца, покрытые слюдой, хотя и темноваты, однако отличаются чудной свежестью». В том же году были опубликованы в разных изданиях снимки с Федоровской иконы, в том числе цветные, — слова Троицкого полностью подтверждаются.

И однако в 1922 году чудотворная Федоровская икона, впервые покинув Кострому, оказалась в реставрационной мастерской академика И. Грабаря, и притом совершенно потемневшей. До такой степени, что ликов не

было видно почти совсем. Он не мог с ней сделать ничего. Ничего и не сделал. Как некогда ничего не сделал с ней Батый. Как ничего не сделали с ней пожары. Мне кажется, что сам академик остался в недоумении, «отпустив» икону обратно в Кострому с костромским протоиереем Николаем Голоушиным, который Бог весть как добился этого (он скончался в 1964 году, когда икона встала на нынешнее место свое).

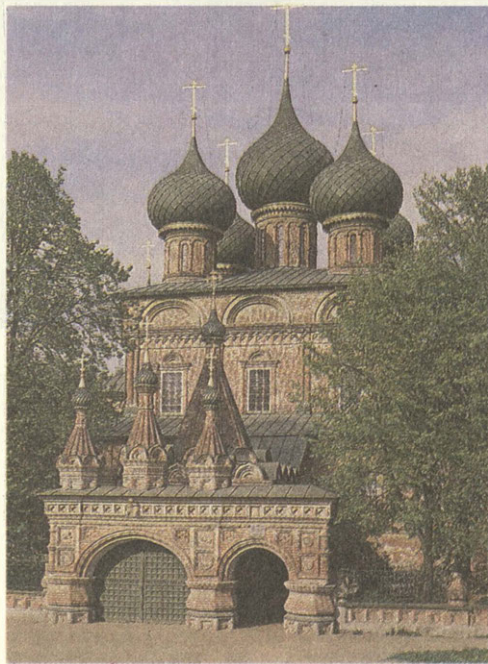
Монахиня Феофания говорит, что чудотворная икона «омрачилась», и это, без сомнения, верно. Что было вскоре после 1913 года, когда она еще находилась в прекрасном

состоянии? 1917 год. Сначала — арест царской семьи и высылка ее в Тобольск. Потом — революция. Затем убийство царской семьи в Екатеринбургe. Затем... Затем все то, что патриарх Тихон назвал «лукавыми днями». В книге Н. Соколова, судебного следователя правительства Колчака, исследовавшего в 1918 — начале 1919 года на месте все обстоятельства убийства царской семьи (его книга так и называется), допросившего массу лиц, нашедшего множество разных предметов, изобличающих преступление, рассказывается о том, что в доме Ипатьева найдена была принадлежащая императрице Феодоровская икона Божией Матери, с которой сорваны были бриллиантовые украшения («Без этой иконы императрица никуда не выезжала. Лишить императрицу этой иконы было бы равносильно лишить ее жизни»). С первых лет Советской власти происходило ограбление церкви, уничтожение епископов и священников. Это ли не мрак, не морок? Сонмы новомучеников... Миллионы невинных жертв из народа... Монахиня Феодания права. Народная заступница, Царица Небесная в образе своей чудотворной иконы, находится в скорби. «Многосветлый светильник» омрачился. Не омрачена ли и душа народа?

Но вот как будто свет... Все больше людей идет к Феодоровской. Три ступеньки, и — между столбиками сени, как в небольшой келейке, один на один, на минуту с Богоматерью... Здесь чувство не обманывает: она видит и слышит вас. Еще без ваших слов слышит она ваши молитвы... Один за другим подходят к древней иконе ученики Духовного училища — здесь, на территории собора, ютится оно в тесном домике. Это первый еще только набор (а некогда в Костроме были и семинария, и Духовное училище; были училища и в уездных городах).

Восстанавливаются в Костроме храмы. Выходит превосходная церковная газета «Благовест». Не жалеют сил священники. Прихожане также не в стороне от дел. И хотя резиденция архиепископа Костромского и Галичского ныне не Ипатьевский монастырь, как было, а маленький деревянный домик на одной из городских улиц, — здесь центр возрождения древнего русского края. Пробуждается народ, вспоминает о своих святых. Должен возобновиться и великий многодневный крестный ход с чудотворной Феодоровской иконой из Костромы в Галич, ко второй кафедре епископа, с молебнами в городах, селах, деревнях. Такой ход происходил ежегодно на четвертой неделе после Пасхи, весной. Всем народом провожала икону Кострома. В Судиславле — двухдневная остановка. Затем село Воронье, деревни по Кинешемскому тракту. В Галиче Феодоровская пребывала восемнадцать дней. «Не останется ни в городе, ни в селе, ни в деревне ни один обывательский дом, — пишет очевидец такого хода в 1904 году, — где бы не была принята св. икона, где бы не был совершен молебен, часто с водоосвящением, иногда и с акафистом Феодоровской иконе». Сколько счастья, радости, надежд приносила чудотворная икона людям, встречавшим ее! Как возвышала, как сплывала народ в порыве к добру и свету каждая такая встреча!..

«...Призри на нас недостойных. Ты бо упование и покров наш, жизнь и свет сердцу

нашему. Яко не вечерний свет от чрева твоего воздвигшая, озари душу нашу, чистая, и отжи не всяку мглу сердца нашего! Даруй нам умиление, покаяние и сокрушение сердечное. Сподоби нас по вся дни живота нашего творити волю Сына Твоего и Бога нашего и во всем благоугождати Ему единому. О, Богомати, не престани молящи Рождшагося от Тебе за вся притекающия к сему чудотворному образу Твоему...»

Часовня
Феодоровской
Божией Матери
в селе
Некрасове.
XVIII в.

Церковь
Воскресения на
Добре.
Кострома. 1652.